

Сергей Емелин

Гностические «мотивы» в буддизме

В буддизме представления об источнике феноменального существования, или о «творце» мира отличаются от соответствующих парадигм религий авраамических. Если в них демиург естественно един с Богом как таковым, со всеми присущими ему атрибутами, то в буддизме всё иначе. В этом христианский гностицизм обнаруживает удивительное сходство со многими буддистскими воззрениями.

Буддизм многолик и при этом внутренне не противоречив, хотя воззрение, практика и поведение разных школ разительно отличаются друг от друга, а иногда кажутся даже прямо противоречащими друг другу, при этом не без потери сущностного единства. Можно сказать, что в буддизме есть два крайних воззрения на источник феноменального существования:

1. Источник мироздания – неведение и карма, оставшаяся от прочих эонов. В этом случае оценка «творца» негативна. Это воззрение характерно для хинаяны, махаяны и отчасти для ваджраяны.
2. Источник мироздания благ и совершенен. Источник существования совпадает с неким «изначальным состоянием», которое является природой личности. Это воззрение характерно для дзогчена, некоторых направлений ваджраяны и махаяны.

При этом есть и весь спектр воззрения между двумя означенными крайностями.

Буддизм в целом принимает индуистские представления о том, что существует творец мира – Брахма, однако этому придаётся иное содержания. Это творение не является благим изливанием эманаций, или творением «ex nihilo», а имеет своей причиной онтологическое «неведение». Представление А. Шопенгауэра о том, что «зло коренится в самом Мировом Начале» вполне ясно отражает воззрения многих школ.

С точки зрения буддизма и индуизм относится к группе теистических религий, впадших в крайность «этернализма», группы ложных воззрений, основанных на концепции «ложной вечности».

Намкай Норбу Ринпоче пишет: «Философская система, утверждающая этернализм, присуща самым распространенным в мире религиям, таким как индуизм, христианство и ислам. Согласно этой систем и все явления бытия, вселенная и живые существа являются творением высшего существа. Называемого «Бог», «Брахма» и т.д. Человек, который верит в него и с почитанием соблюдает его законы, будет в конечном итоге поглощен Брахмой (согласно индуизму), или призван вступить во владения Бога, получив таким образом вечную жизнь (согласно христианству). Но те, кто нарушают его закон,

будут наказаны, будут страдать и после смерти испытывать бесконечные мучения в преисподней или, согласно христианскому учению, будут приговорены к вечному аду.

В соответствии с этим принципом верующий старается удовлетворить Высшее Существо через обряды жертвоприношений, исповеди, молитвы. Он признает, что сущность религии и конечная природа всех явлений есть Бог, всемогущий, вечный и неизменный. Это общая характеристика всех религий, которые придерживаются теории «этернализма». Замечу, что другой крайностью в воззрениях в буддизме считается «нигилизм», привязанность к «пустотному» аспекту изначального существования.

Читаем в «Брахмаджала-сутре»: «Время от времени, монахи, настаёт время, когда по истечении длительного периода этот мир свёртывается. Когда свёртывается мир, то существа по большей части переходят в мир сияния. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе. Время от времени, монахи, наступает пора, когда по истечении длительного периода этот мир развёртывается. Когда развёртывается мир, то появляется пустой дворец Брахмы. И тогда то или иное существо, оттого ли, что кончился его срок или окончилось действие заслуг, оставляет существование в сонме сияния и вновь рождается во дворце Брахмы.... Там оно находится долгое, длительное время.... Там у него, пребывающего долгое время в одиночестве, возникает тревога, неудовлетворенность, беспокойство: «О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния!» Тогда другие существа оттого ли, что кончился срок или окончилось действие заслуг, оставляют существование в сонме сияния и вновь рождаются во дворце Брахмы спутниками того существа...то существо, которое первым родилось вновь, говорит себе так: «Я Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый. Всевидящий, владыка, творец, создатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего. Мною сотворены эти существа. ... И те существа, которые позже родились вновь тоже говорят себе так: «...Мы сотворены этим почтенным Брахмой...» ...то существо. Которое первым родилось вновь, бывает долговечнее и красивее, и сильнее. Те же существа, которые позже родились вновь, бывают недолговечнее, и некрасивее. И бессильнее».

Здесь вполне уместно вспомнить некоторые библейские параллели: «Я – Господь творящий все»... «Я Господь, и нет иного; нет бога кроме меня» ... «Я первый и я последний, и кроме меня нет бога».

В «Апокрифе Иоанна» читаем о ветхозаветном творце: «И он безбожен в своем неразумии, том, что живет в нем. Ибо он сказал: “Я – Бог, и нет Бога кроме Меня”. Ибо он не ведает о своей силе, (а именно) о месте, из которого вышел. ... И когда он увидел все тварное, что обнимало его, и множество ангелов, что окружали его, (и) которые пронизывали его, то он сказал им: “Я – ревнивый Бог, и нет другого Бога, кроме меня”. И когда он заявил так, то выдал ангелам, которые были у него, что есть другой Бог, иначе кому бы он стал завидовать».

Интересным образом подобные взгляды соотносятся и с платонизмом. В нём существует целая иерархия «демиургов». Демиург отчасти подобный буддистскому и гностическому появляется в диалоге «Софист» и считается творцом «мира подлунного», имея своей главной характеристикой неведение. О возможности такой интерпретации диалога упоминает Ямвлих. В этом диалоге демиург-софист – это «чародей», «подражатель», он «из рода фокусников», создатель не образов, а «призрачных подобий».

О немного ином демиурге пишет Прокл: «Тимей называет демиургом и отцом того, кто является причиной кругооборота, связанного с роком, и кто является его творцом. ...демиургическое начало в нем выражено более ярко, нежели отеческая божественность: «Я – Демиург и творец вещей». Этот бог-демиург «стоит ниже причины, которая избегает всякого знания и любого слова, и похоже отклоняется в сторону природы познаваемого и изреченного ... он благ, но не есть само благо, его можно восславить мистическими словами и поэтому он не полностью неизречен». Демиург «Тимея» благ и во многом сходен с пониманием «Ума», например в йогачаре. Отчасти им является Уран, Отец Крона, «чистый Ум», согласно «Кратилу».

Вообще в платонизме и неоплатонизме, есть представление о двух кругооборотах душ, первый из которых, – «кругооборот Зевса» отчасти соотносим с самсарой, в противовес «кругообороту Крона». Л. Ю. Лукомский сводит все различия между этими «кругооборотами» к такому определению: «В круге Крона души обладают истиной, а в круге Зевса – лишь стремятся к ней».

Д. Диллон пишет: «...представление о том, что наш мир управляется злым, или в лучшем случае, незнающим Богом, характерно для всех гностиков. Не совсем чуждо оно Филону, и Аммонию, учителю Плутарха, а также, вероятно, Ксенократу, который связывает подлунный мир с «титаническими» божествами и «низшим» Зевсом. Демиург пытается имитировать структуру высшего Божества, но постоянно ошибается, поскольку не ведает, что творит».

Например, Филон Александрийский, толкуя библейский сюжет о том, что Авраам приказал дать Саре три меры муки для приготовления лепешек для странников, считает наш «подлунный» мир третьим в некоей таинственной иерархии. И этот мир творится неким «basilike dynamis», т.е. неким «царем движимым» или непостоянным и временным, в контексте нашего вопроса. Для Филона, вполне в соответствии с представлениями Гомера, Пифагора и Нумения наш мир представляется великим пожаром и адом. Последний писал о том, что «секретное учение Пифагора состоит в том, что вся область между Землей и Млечным путем является Адом и обиталищем душ. Это, как мы видим сильно напоминает буддистские представления о самсаре. Например, в «Дхаммападе» существование связывается с пожаром, а в «Лотосовой сутре» будда говорит: «многие кальпы вас сжигают страдания». Интересно сравнить мотив мира – огня в буддизме и неоплатонизме с представлениями Б.Паскаля и П.Флоренского. Последний, основываясь на паскалевских «Мыслях о религии» пишет об акте веры, как единственном способе избежать мирового пожара или просто огня, коим является мир.

Упомянутый Нумений из Апомеи писал: «Поскольку Платон знал, что только Демиург может быть известен людям, в то время как Первый Ум, именуемый Бытие в себе, является абсолютно непознаваемым, он обратился к ним с такими словами: О люди, этот Ум, который вы считаете наивысшим, таковым не является, в действительности есть еще один, который старше его и более божественный». Демиург Нумения не является «злым» богом гностиков, не его образ не лишен некоего трагизма. У него демиург, «который ответственен за создание того, в чем он впоследствии оказался заключенным. Демиург творит в результате любви и страсти к Материи, которая «раскалывает» его на части (а возможно, разрывает, как Диониса и Озириса). В пылу страсти к материи он забывает о себе».

Неоплатоник Аммоний, по словам Плутарха учил о том, что мир подлунный управляется «богом, или скорее демоном, который связан с разрушающейся и рождающей природой» и поэтому именуется Гадес (Ад) или Плутон, в отличии от Бога, который управляет надлунным миром и именуется Апполон».

Необходимо отметить, что в буддизме вообще почти начисто отсутствует мотив «богоборчества», несмотря на постулированность хотя бы относительной «неблагодости» «источника мироздания». Несовершенство источника феноменального не несет за собой мотива «героической» борьбы с Богом, как источником некой тирании. В этом он более схож с неоплатонизмом, нежели с гностическим христианством, в котором мотив неприятия источника творения наиболее обострен.

В буддизме «несовершенство» творца как бы просто «замечается» и речь идет обычно о его «мягком» трансцендировании, выходе за его пределы. Брахма имеет здесь, как и любое существо, совершенную природу шуньяты – пустоты, так что бороться, собственно, не с кем и незачем.

Во всех буддистских школах космогония всегда антропологична и психологична. Онтология не может быть отделена от гносеологии и сотериологии. Неведение онтологическое есть причина существования объективного мира, но оно является и источником субъективного существования и глубоко коренится в самом индивиде и даже неотделимо от него. Всё, что говорится о начале мироздания, имеет своё соответствие в начале любой человеческой судьбы. В Калачакра-тантре при описании любого феномена постоянно повторяется: «как внутри, так и вне тела».

Эта тантра, по выражению А.Берзина есть: «буддистский эквивалент объединяющей разные сферы теории, которая бы объясняла параллельным образом структуру и работу космоса, атомов, человеческого тела и опыта перерождения». В другом месте он пишет: «Потоки ветра кармы, которые обеспечивают импульс, чтобы возникла определенная вселенная, происходят из коллективной кармы, имеющейся в сознаниях ясного света прежних существ. Эти сознания ясного света остаются присутствующими на протяжении пустых космических эпох в промежутке между эпохами развития Вселенной. Подобно этому ветры кармы, которые обеспечивают импульсы для того, чтобы произошло конкретное перерождение, возникают из индивидуальной кармы, имевшейся в

сознании ясного света определенного существа. Это сознание ясного света также длится на протяжении периодов бардо в промежутке между перерождениями».

В. Уоллес пишет: «Некоторые буддийские тантры, особенно тантры класса аннута-ра-йоги, демонстрируют сильное сходство с гностическими воззрениями об индивидууме и вселенной, а также потрясающие сходства с практиками различных неиндийских гностических групп. Подобным образом, вследствие своего сильного упора на сотериологическое значение осознания гнозиса (джняна), непосредственного знания абсолютной реальности, аннутара-йога-тантры могут законно считаться религиозными трактатами буддийской гностической традиции Индии. Интерпретация гнозиса как интуитивного знания, знания или видения себя как духовной реальности, а также воззрение на вселенную как на макрокосм этой реальности равным образом обнаруживаются в иудейской и в христианской формах гностицизма, в восточном манихействе и в аннутара-йога-тантрах».

В тантрическом буддизме демиург может быть рассмотрен и как единый в трёх лицах Рудра, соответственно Рудра тела, речи и ума. Чхогьям Трунгпа Ринпоче пишет: «Для описания функций “эго” в тибетском буддизме пользуются интересной метафорой. Там говорится о “трех владыках материализма” – это “владыка формы”, “владыка речи” и “владыка ума”».

Эти «владыки» создают как бы ложные версии мира, они не сколько творят мир, сколько неверно «прочитывают» его.

«Понятие «владыки формы» подразумевает невротическое стремление к физическим удобствам, безопасности и удовольствию. ...оно не относится к созданным нами физически комфортным и безопасным условиям самим по себе. Оно скорее связано с невротической, чрезмерной озабоченностью, которая побуждает нас создавать все это, пытаться подчинить себе природу».

«Говоря о «владыке речи» имеют в виду пользование интеллектом по отношению к нашему миру. Мы принимаем целый набор категорий, которые служат нам как бы рычагами», способными разложить явления по полочкам. Наиболее полно развитые продукты этой тенденции – идеологии, системы идей, которые объясняют, оправдывают и освящают нашу жизнь. Национализм, коммунизм, экзистенциализм, христианство, буддизм – все они предоставляют нам правила, устойчивые программы действий, объяснения, как и почему вещи происходит именно данным образом.

Какими бы возвышенными не были наши идеи, но если мы принимаем их чересчур серьезно и употребляем для сохранения своего эго, – мы все еще находимся под властью владыки речи».

«Понятие «владыки ума» относится к усилию сознания поддерживать сознание самого себя. Когда мы изучили все уловки и действия игры в духовность, мы автоматически стараемся подражать духовности, потому что подлинное вовлечение в нее потребовало

бы полного устранения эго, – а в действительности мы менее всего на свете хотим полностью отказаться от «я» «Владыка ума» является самым возвышенным в разрушении духовности».

Другим мифологическим образом созвучным по смыслу творцу религий «авраамических» является неведение – авидья или маригпа. В Индии и Тибете эти слова женского рода и изображаются часто в иконографии как слепая женщина, идущая на ощупь по дороге. Как пишет лама Анагарика Говинда: «из-за этой духовной слепоты человек бредет всю жизнь в потемках, создавая иллюзорные картины себя и мира, его воля в силу этого направляется на достижение вещей, а его характер формируется под влиянием этих воображений».

Иногда этот источник феноменального существования представляется «триединым», например на распространённом изображении «колеса самсары» в центре изображены три животных, символизирующие неведение, привязанность и гнев, символизируемые свиньёй, змеей и петухом».

Реализация просветленного состояния означает победу над неведением или осознание его небытия. Иконографически это выражено, например, в том, что тантрические боже-ства-Идамы танцуют, например, на Брахме или на иных символах страстей, и неведения в первую очередь.

Буддистские представления о неведении – демиурге-браhme связаны с одним из его доктринальных положений, учении об несуществовании индивидуальной души, которое, на мой взгляд, вполне может быть соотнесено с евангельским представлением о блаженстве «нищих духом».

В этом контексте сутью неведения является иллюзия о существовании нашего эго, как идеи отчуждённого, обособленного от Непознаваемого, от свободного, от субъект–объектных отношений состояния шуньяты. Пока мы думаем, что наше эго реально, до тех пор мы неизбежно создаем карму (по-русски можно сказать кару) – результат наших действий, желаний и мыслей.

В разных буддийских школах представления о причинах возникновения мироздания неодинаковы. Иногда говорится, что самовозникновение есть свойство мира, иногда подчеркивается его безначальность как невозможность определить причину волнения дхарм, создающих видимость бытия и имеющих как нирваническое, так и сансарическое измерения.

Но обычно, подразумевается, что карма, «оставшаяся» после предыдущих кальп, есть главная причина существования мироздания. Эта карма, естественно имеет своим истоком «неведение».

При этом карма получает некий «оттенок» владыки смерти Ямы, который хотя и часто понимается как воплощение или проявление какого-нибудь просветлённого существа. Яма оказывается вдруг Брахмой.

Мы слышим его голос: «Только Будды и Архаты раскрыли мою истинную сущность, победили меня. Все другие существа живут под моей деспотической властью. Я божество, приносящее им благополучие, которым они наслаждаются. По моей воле совершаются добрые и злые дела Богов, императоров, царей, богатых и бедных, сильных и слабых, благородных и низкорождённых, счастливых и несчастных духов, обитающих в этом мире и в верхних и нижних мирах, всех их я возвышаю или ниспровергаю до соответствующего каждому из них состояния. Я унижаю вознесшихся высоко и возвеличиваю низкостоящих согласно некоторым совершаемым ими делам. Поэтому я действительно бог, который правит этим феноменальным миром».

В буддизме сутр демиург именуется также «гаханкарой» или «строителем дома».

Читаем в «Дхаммападе»: «В поисках строителя дома Я бессмысленно прошел через круги многих рождений... Но теперь я вижу тебя, строитель дома, И ты не сможешь возвести его вновь».

Спасение здесь, в отличие от религий библейских это не максимальное приближение «по благодати» к источнику творения, а его превосхождение.

Д. Судзуки пишет: «Гахакарака представляет собой существо, которое, как предполагается, управляет всеми ментальными и физическими действиями человека. Будда долго был рабом гахакарайки, который, удовлетворяя эгоистические желания, скрытно повелевает каждым, кто не подозревает о его существовании. Будда был жалким человеком, пребывающим в абсолютной зависимости от этого тирана. Именно полная беспомощность приносила Будде несчастья и страдания, нагоняла на него уныние и страх. Но с просветлением Будда постиг, кто такой этот гахакарака. Теперь Будда не просто знал о нем; он встретился с ним лицом к лицу, настиг его, когда тот действовал. И вот строитель дома, монстр и тюремщик, опознан, пойман и обезврежен. Теперь он прекратит плести вокруг Будды свои сети. В этом смысл фразы висанюсарагатам читтам, в которой говорит об уме, освобожденном от ограничений составных сущностей (самкхара)». Далее автор сравнивает эти воззрения с учениями средневекового немецкого мистика Майстера Экхарта цитируя его: «Последнее и высшее единение человека с Богом наступает, когда во имя Бога человек покидает Его». А. Гарнак писал о взглядах гностика Маркиона: «На вопрос о том, от чего Христос спасал нас – от демонов, от смерти, от греха, от ига плоти... Маркион отвечает полностью: Он спасал нас от мира и его бога для того, чтобы сделать нас детьми нового и чуждого Бога».

Д. Судзуки пишет о видении гахакараки: «Смысл этого видения в том, что все страсти и стремления, которыми наделены мы, смертные люди, оказываются теперь подчиненными власти того, кто достиг гахакараку врасплох, когда тот претворял в жизнь свое ограниченное представление о свободе. Просветление ничего не устраняет, оно лишь дает возможность увидеть действия гахакараки с точки зрения высшего понимания, а значит взглянуть на них оком Праджни. И тогда все становится на свои места. В просветленном состоянии Будда видит, что все вещи находятся на отведенных для них местах, там, где они и должны быть».

В другом месте тот же автор пишет: «Гахакарака – это наше относительное эмпирическое эго, тогда как ум, освободившийся от ограничивающих условий, говорит «Нирвана Сутра», есть абсолютное эго или Атман. Дело в том, что абсолютное эго оставаясь собой не может проявить все свои возможности. Чтобы заявить о себе в полную силу, абсолютному эго нужен гахакарака. «Нирвана Сутра» говорит, что, если подчинить гахакараку себе и не позволить этому существу «возводить обитель» как ему вздумается, то он будет исправно проявлять всё, что дремлет в глубинах Атмана».

Здесь «Атман» вполне соотносим с гностической плеромой и с «Отцом» Иисуса Христа, в отличие от фарисейского «отца-дьявола», весьма схожего с гахакаракой.

А. Шопенгауэр писал: «Парсы, евреи и магометяне молятся Создателю мира – индусы, буддисты и джайны, в противоположность первым, молятся Преодолителю мира и, в известном смысле, уничтожающему его. Очевидно, христианство в собственном смысле, или христианство Нового Завета, принадлежит к этому второму классу (религий), но на историческом пути его насильно и абсурдно соединили с одной из религий первого класса».

В тексте из Наг-Хаммади, условно называемом «Диалог Спасителя» источнику творения присущ тиранизм, а страх является орудием его господства и сил, находящихся у него в подчинении: « Истинно, страх это власть [...]. Так если вы станете бояться того, что собирается придти к вам, она (сила) поглотит вас. Ибо нет среди них (сил) ни одной, кто пощадит вас или окажет вам милость. Но таким образом, смотрите на [...] в это, поскольку вы изучили каждое слово на земле. Это [...] вознесет вас до [...] место где нет правления [...] тирана». В этом и во множестве других текстов гностического христианства «отец» Христа как минимум не един с ветхозаветным творцом, а как максимум даже ему противопоставлен. Этот вопрос носит исключительно деликатный характер и требует отдельного научного рассмотрения.

В этом контексте «отец» гностического Христа вполне сопоставим «Самантабхадрой», «Всевышним Источником» творения феноменальной реальности в буддистских «высших» тантрах и дзогчене.

Читаем в комментарии на тантру «Кунжедгьялпо»: «В тексте часто повторяется тибетское слово на (нга), что означает «я», но его всегда следует понимать как обозначение состояния сознательности. Самантабхадра, состояние дхармакайи принял облик того, кто передает учение. Он говорит: “Нет никого, помимо меня, кто сотворил «двойственность»”, однако это не означает, будто Самантабхадра действительно что-то сделал, но скорее, что ничто не существует отдельно от состояния индивида. Поэтому обычно говорят, что состояние сознательности каждого индивида и есть истинный центр вселенной».

Евангельское «Я и Отец одно» можно интерпретировать в русле этих буддистских школ как учение, на языке того времени и той культуры, о том, что именно природа человеческого «Ума» является единственным корнем «творения».

В гностических текстах мы находим и аналог «тат твам ази» адвайты. Так, в Евангелии от Филлипа читаем: «1. Невозможно, чтобы некто видел что-либо из вечного, если он не станет подобным этому. 2. В истине не так, как с человеком, который в мире: этот видит солнце, хотя он не солнце, и он видит небо, землю и другие предметы, не будучи всем этим. 3. Но ты увидел нечто в том месте - ты стал им. 4. Ты увидел Дух - ты стал Духом. 5. Ты увидел Христа - ты стал Христом. 6. Ты увидел [Отца - ты] станешь Отцом. 7. Поэтому [в этом месте] ты видишь каждую вещь и [ты не видишь] себя одного. 8. Видишь же ты себя в том [месте]. 9. Ибо [ты станешь] тем, что ты видишь».

Пока рано делать выводы о природе общности многих мотивов в христианском гностицизме и буддизме. Однако, на мой взгляд исследования в этой области могут стать исключительно плодотворными и неожиданными.